

ТРАДИЦИИ И СХЕМЫ

ЛЕНИНСКИЙ ОБРАЗ В ДРАМАТУРГИИ

В преддверии столетия со дня рождения Владимира Ильича интерес к ленинской теме у мастеров слова заметно возрос. Это закономерно. И тут самое время проанализировать тот опыт, который уже накоплен, чтобы движение шло не по замкнутому кругу, а по восходящей.

Если обратиться к опыту решения ленинской темы в драматургии, не трудно заметить, что в ряде произведений мы даже не видим Владимира Ильича среди действующих лиц, но все происходящее вдохновлено и продиктовано ленинскими идеями, ленинскими заветами. Возьмите, к примеру, «Гибель эскадры» А. Корнейчука или «97» М. Кулиша. Это, безусловно, пьесы о Ленине. И не потому только, что в них не раз произносится его имя. Драматический конфликт «Гибели эскадры» зиждется на столкновении вокруг ленинской директивы о потоплении Черноморской эскадры, дабы она не попала в руки кайзеровских захватчиков. А жизненный путь центрального героя пьесы «97» Мусия Копытки озарен светом ленинских идей. И когда Копыстка в свойственной ему жанровой манере говорит о важности выполнения ленинских указаний учиться «рихметике», он имеет в виду и буквальную арифметику, и арифметику классовой борьбы. Ленинское начало прочно заложено в этой первой могучей пьесе из деревенской жизни, как назвал «97» А. В. Луначарский.

Или вспомним классическую сцену «на колокольне» в пьесе В. Иванова «Бронепоезд 14-69». Здесь слово «Ленин» оказалось магическим паролем для взаимопонимания сибирских партизан и американского солдата. Лаконичный и в то же время истинно образный показ В. И. Ленина как вождя трудящихся масс всего мира. Можно назвать немало подобных произведений. Но обратимся к пьесам, стремившимся показать сам образ Ленина.

В ПЕРВЫЕ такие пьесы были написаны к 20-летию Октябрьской революции. Тогда появились «Человек с ружьем» Н. Погодина. «На берегу Невы» К. Тренева, «Правда» А. Корнейчука. В то же время писа-

лась и историко-революционная хроника И. Микитенко «Как восходило солнце» (она опубликована лишь недавно), где Ленин показан в двух картинах — в вагоне, во время переезда из Финляндии в Петроград, и на петроградской конспиративной квартире. В одном из ранних вариантов пьесы Ленин показывается еще на Финляндском вокзале в памятный апрельский день. Выписан образ вождя довольно широко для того времени. Следует отметить и старательную работу автора над речевой характеристикой героя. Драматург явно избегал книжности, официозности, цитатности, стремился к разговорной интонации, хотя и заботился о сохранении в репликах ленинской мысли, ленинского стиля и ритма. В этом отношении И. Микитенко сделал первые шаги на пути, который впоследствии удачно прошел Э. Казакевич в своей «Синей тетради».

Первенцы драматургической Ленинианы создавались с понятной для всех осторожностью, в мучительных поисках. Каждая из пьес, в том числе и лучшие, как «Человек с ружьем», имеет несколько вариантов. Отдельные авторы (К. Тренев) на первых порах лишь показывали Ленина; и «Правда» А. Корнейчука первоначально мыслилась с образом Ильича, но без текста. Лишь впоследствии, после встреч с участниками Октябрьских событий, драматург вложил в уста Ильича несколько цитат, написал сцену встречи Ленина с Кузьмой Рыжовым и Тарасом Голотой.

Можно понять трудности создателей первых пьес о Ленине. Блистательные воспоминания М. Горького, проникновенная поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», оставаясь выдающимися литературными памятниками, все же конкретных путей решения драматургического образа не давали.

Не все первые поиски увенчались одинаковым успехом. Наиболее живым, чувственным вышел образ, созданный Н. Погодиным, который дал Ильичу в собеседники такую примечательную и характерную человеческую индивидуальность, как Иван Шадрин. Если б Ленин общался со

схематическим, бескровным, служебным персонажем, ну, скажем, с таким, как другой герой пьесы — Чибисов, многое живое в образе Владимира Ильича было бы утрачено.

Менее яркими по своим художественным достоинствам оказались другие ленинские пьесы — «На берегу Невы», «Правда». В пьесе А. Толстого «Путь к победе», написанной позднее, явно сказывается смещение акцентов в изображении реальных исторических личностей.

Но как бы ни были скромны результаты «первопроходцев», не было смысла А. Богуславскому и В. Диеву начисто перечеркивать «Правду», как это они сделали в своей в общем интересной и обстоятельной книге «Русская советская драматургия». Исследователи обязаны заглядывать в прошлое. Но при этом должны помнить, что эти пьесы создавались, можно сказать, ощупью, без каких-либо вех на неизведанном пути. Сейчас — после талантливой погодинской трилогии, других содержательных пьес о Ленине — есть что развивать и что преодолевать. Тогда такого выбора не было, и следует уважительно относиться к творчеству тех лет. Тем более, что пьесу эту в свое время поддержала верный друг и соратник Ильича — Надежда Константиновна Крупская. А она, видимо, имела на то право.

ЧТО УЖЕ создано в драматургической Лениниане? Тут и погодинский романтический эпос, и горячее публицистическое слово И. Микитенко («Как восходило солнце»), и бытовой рассказ Д. Зорина («Вечный источник») и биографические экскурсии И. Попова («Семья»), и философские разведки А. Штейна («Между линиями»), и документальные исследования М. Шатрова («Шестое июля», «Большевики»), и многое другое. Ленин показан разное, он действует среди прочих персонажей на всем протяжении пьесы, или появляется в каком-то одном эпизоде; иногда он представлен заочно, или видением, во сне героя; иногда — как незримый образ (в пьесе В. Собко «Последний вечер»), как раздумье о вожде.

При всей разности лучшие пьесы объединяет то, что в образе раскрывается главное, ведущее начало — политическая и государственная деятельность В. И. Ленина. Мы видим вождя революции и ее работника, руководителя масс и государственного мужа, теоретика и организатора партии. Конечно, перед нами предстает не только философ, стратег, оратор, дипломат, а и простой обаятельный человек, трогательный в своей заботе о людях. И это не декларируется, а раскрывается в тех или иных сюжетных ситуациях, коллизиях, эпизодах.

У украинских авторов нет произведения, где бы не затрагивалась тема «Ленин и Украина». Скажем, то, что Ленин дает Тарасу Голоте («Правда») рекомендацию в партию, воспринимается как оказание доверия всему украинскому трудовому народу. Ленин — верный друг Украины, он помогает борцам за Советскую власть советами, оружием, изобличает врагов украинского народа, цементирует его революционные силы, предостерегает от ложных, ошибочных шагов. Такое происходит в пьесах «Арсенал» В. Суходольского, «Богунцы» Ю. Дольд-Михайлика, в драматической поэме А. Левады и А. Малышко «Арсенал», в «Перекопе» И. Кавалеридзе, в «Городе красивых» И. Рядченко, в более ранних произведениях, таких как «Коммуна в степях» М. Кулиша, «Любовь и дым» И. Днепровского, «Дума о Британке» Ю. Яновского, «Потомки запорожцев» А. Довженко.

Как видим, в драматургической Лениниане сложились свои положительные традиции. Но, как давно сказано, традиции — это не повторение, не заимствование, не копирование, а творческое продолжение, развитие, умножение эстетического опыта.

К СОЖАЛЕНИЮ, в ленинских пьесах многое совпадает. Оправданные в свое время находки превратились в штампы. Это касается и сути пьес, и их структуры. В «Человеке с ружьем» Ленин случайно встречается с солдатом Шадриным в коридорах Смольного; там же сталкиваются с Ильичем Тарас Голота и Кузьма Рыжов («Правда»). В Смольном происходит разговор

Ленина с другим солдатом — Митрохиным из пьесы В. Суходольского «Арсенал». Погодин решил показать общность интересов рабочего класса и трудового крестьянства в образах Чибисова и Шадрина, сдружившихся в революционных битвах. Но такое же «социальное представительство» существует в «Правде» (Кузьма Рыжов и Тарас Голота), в пьесе «Как восходило солнце» (крестьянская дочь Мария Стоколос и киевский рабочий Богдан Верховинец), в «Арсенале» В. Суходольского (Веремий Гуляй Федор Троян), в других произведениях. Причем совпадения заметны и в деталях. Как правило, к городскому герою приезжает из села земляк или землячка и вовлекается в революционную борьбу. А разве на землячестве зиждится революция?

Почти нет пьес без «ходока» или другого визитера. Известно, что Ленина посещали ходоки, особенно деревенские, наподобие выведенного в пьесе Н. Вирты «Земля» правдоискателя Фрола Баева. Но не слишком ли много их стало в драматургии? Посланцев к Ленину направляют защитники легендарной республики Британки в пьесе Ю. Яновского. О посылке делегации к Ленину говорится в «Любви и дыме» И. Днепровского, в других ранних и более поздних произведениях.

Порой в качестве посетителя выступают известные исторические личности. Таким, к примеру, является Шорс в пьесе Ю. Дольд-Михайлика «Богунцы». Но осведомленные историки не подтверждают такой встречи. Вправе ли писатель обращаться к домыслу, когда речь идет о конкретных исторических личностях, каждый шаг которых зафиксирован в биографической литературе? Не есть ли это художническим произволом? Иное дело, если бы автор построил сцену как народную легенду (кстати, предпосылки для этого имеются в пьесе). Но подобное «обогащение историографии» вряд ли допустимо.

Никто не отрицает правомерности творческого домысла и в Лениниане. Даже в художественно-документальной литературе известны смещения, конденсации, акцентировки на тех

или иных фактах и лицах. Кстати, так поступил М. Шатров в своей хронике «Шестое июля». Автор может представить те или иные встречи. Никто не станет придраться к Н. Погодину, что он, скажем, сталкивает Ленина с нищенкой («Кремлевские куранты»). Но тот же Погодин настолько шепетил, что в той же пьесе не назвал точным именем английского писателя, хотя известно, что это был Уэльс.

Домысел, как образная подробность или поэтическое обобщение, естествен в художественной литературе. Иначе мы будем иметь дело с протоколом (пусть и историческим!), с оголенной хроникой, информацией, а не с предметом искусства, где реальная условность допустима и необходима. Тем более, что произведений, в которых сохранена буква, а не дух истории, у нас немало. Но домысел домыслу рознь. Нельзя в угоду творческой фантазии, так сказать, реконструировать фактическую действительность. К чему, скажем, в пьесе донецких писателей Ф. и Б. Вольных «Завет» Ленин заходит в кабинет некоего партийца Павла? Чтобы сказать ему: «какую ахинею о Советах печатает в своей газете бывший марксист господин Плеханов»? И это в напряженнейший момент подготовки к Октябрьскому восстанию? Оказывается, появление Ленина понадобилось авторам, чтобы свести Владимира Ильича с находившимся здесь же в кабинете Василием Буровым, впоследствии выступающим как ленинский посланец в Донбассе. Ну, можно ли так?

Присутствие ленинского образа придает пьесе значительность и весомость. Но обогащают ли подобные пьесы наши представления о величайшем человеке эпохи? И есть ли это органическое решение ленинской темы? Вряд ли! Конечно, не обязательно требовать, чтобы каждый раз образ Ильича проходил через всю пьесу, но если уж он присутствует, это должно быть мотивировано всем ходом драматических событий, проблематикой произведения, его идейным смыслом, драматическим конфликтом. Но даже в такой разумной пьесе, как «Между линиями» А. Штейна, образ Ленина не кажется крайне необходимым, хотя раздумья вождя и связаны с кронштадтским восстанием. А попробуйте изъять образ Ленина из пьес Н. Погодина? Они распадутся, потому что без этого не прочитывается ни одно событие.

или иных фактах и лицах. Кстати, так поступил М. Шатров в своей хронике «Шестое июля». Автор может представить те или иные встречи. Никто не станет придраться к Н. Погодину, что он, скажем, сталкивает Ленина с нищенкой («Кремлевские куранты»). Но тот же Погодин настолько шепетил, что в той же пьесе не назвал точным именем английского писателя, хотя известно, что это был Уэльс.

Домысел, как образная подробность или поэтическое обобщение, естествен в художественной литературе. Иначе мы будем иметь дело с протоколом (пусть и историческим!), с оголенной хроникой, информацией, а не с предметом искусства, где реальная условность допустима и необходима. Тем более, что произведений, в которых сохранена буква, а не дух истории, у нас немало. Но домысел домыслу рознь. Нельзя в угоду творческой фантазии, так сказать, реконструировать фактическую действительность. К чему, скажем, в пьесе донецких писателей Ф. и Б. Вольных «Завет» Ленин заходит в кабинет некоего партийца Павла? Чтобы сказать ему: «какую ахинею о Советах печатает в своей газете бывший марксист господин Плеханов»? И это в напряженнейший момент подготовки к Октябрьскому восстанию? Оказывается, появление Ленина понадобилось авторам, чтобы свести Владимира Ильича с находившимся здесь же в кабинете Василием Буровым, впоследствии выступающим как ленинский посланец в Донбассе. Ну, можно ли так?

Присутствие ленинского образа придает пьесе значительность и весомость. Но обогащают ли подобные пьесы наши представления о величайшем человеке эпохи? И есть ли это органическое решение ленинской темы? Вряд ли! Конечно, не обязательно требовать, чтобы каждый раз образ Ильича проходил через всю пьесу, но если уж он присутствует, это должно быть мотивировано всем ходом драматических событий, проблематикой произведения, его идейным смыслом, драматическим конфликтом. Но даже в такой разумной пьесе, как «Между линиями» А. Штейна, образ Ленина не кажется крайне необходимым, хотя раздумья вождя и связаны с кронштадтским восстанием. А попробуйте изъять образ Ленина из пьес Н. Погодина? Они распадутся, потому что без этого не прочитывается ни одно событие.

Писутся ленинские пьесы... Как бы хотелось, чтобы в них начисто отменялись унылые, навязчивые схемы и успешно развивались плодотворные традиции.

Иосиф КИСЕЛЕВ.

или иных фактах и лицах. Кстати, так поступил М. Шатров в своей хронике «Шестое июля». Автор может представить те или иные встречи. Никто не станет придраться к Н. Погодину, что он, скажем, сталкивает Ленина с нищенкой («Кремлевские куранты»). Но тот же Погодин настолько шепетил, что в той же пьесе не назвал точным именем английского писателя, хотя известно, что это был Уэльс.

Домысел, как образная подробность или поэтическое обобщение, естествен в художественной литературе. Иначе мы будем иметь дело с протоколом (пусть и историческим!), с оголенной хроникой, информацией, а не с предметом искусства, где реальная условность допустима и необходима. Тем более, что произведений, в которых сохранена буква, а не дух истории, у нас немало. Но домысел домыслу рознь. Нельзя в угоду творческой фантазии, так сказать, реконструировать фактическую действительность. К чему, скажем, в пьесе донецких писателей Ф. и Б. Вольных «Завет» Ленин заходит в кабинет некоего партийца Павла? Чтобы сказать ему: «какую ахинею о Советах печатает в своей газете бывший марксист господин Плеханов»? И это в напряженнейший момент подготовки к Октябрьскому восстанию? Оказывается, появление Ленина понадобилось авторам, чтобы свести Владимира Ильича с находившимся здесь же в кабинете Василием Буровым, впоследствии выступающим как ленинский посланец в Донбассе. Ну, можно ли так?

Присутствие ленинского образа придает пьесе значительность и весомость. Но обогащают ли подобные пьесы наши представления о величайшем человеке эпохи? И есть ли это органическое решение ленинской темы? Вряд ли! Конечно, не обязательно требовать, чтобы каждый раз образ Ильича проходил через всю пьесу, но если уж он присутствует, это должно быть мотивировано всем ходом драматических событий, проблематикой произведения, его идейным смыслом, драматическим конфликтом. Но даже в такой разумной пьесе, как «Между линиями» А. Штейна, образ Ленина не кажется крайне необходимым, хотя раздумья вождя и связаны с кронштадтским восстанием. А попробуйте изъять образ Ленина из пьес Н. Погодина? Они распадутся, потому что без этого не прочитывается ни одно событие.

Иосиф КИСЕЛЕВ.

К кочующим штампам в ленинских пьесах относятся и телефонные разговоры, в которых излагаются директивы, даются установки, приказы, советы. Мы помним волнующий разговор Ленина по телефону с академиком Полежаевым в «Беспокойной старости» Л. Рахманова. Но сколько служебных телефонных разговоров нам приходится выслушивать в других произведениях, начиная с пьесы «На берегу Невы» и кончая «Арсеналом».

Трудно найти пьесу, где бы кто-то не делился с Лениным новостями, почерпнутыми из писем. Как-то незаметно происходит это в фильме «Ленин в 1918 году», когда Василий читает письмо родственника. Впоследствии этот прием используется с излишней щедростью. Так же, как чересчур часто мы видим Ленина на трибуне, за председательским столом, в качестве докладчика, оратора и гораздо реже — в быстрой обстановке, наедине с самим собой, когда рождаются и принимаются великие решения. Из последних произведений в этом плане выделяется пьеса «Между линиями», где автор пытается раскрыть творческую лабораторию ленинской мысли. Кино в этом отношении опередило литературу. Достаточно назвать такие фильмы, как «Ленин в Польше», «Рассказы о Ленине», «Аппассионата».

Немало создано пьес, добросовестно, но бескрыло иллюстрирующих те или иные страницы биографии Владимира Ильича. Нужны ли подобные произведения? Очевидно, да. Особенно о периодах, мало разработанных в литературе. Но и в так называемых биографических пьесах о Ленине хочется видеть яркий человеческий образ, а не олицетворение тех или иных черт и качеств.

ОДНУ из своих статей, посвященных ленинской теме, Н. Погодин назвал «На подступах к великому образу». Возможно, создатель популярной ленинской трилогии несколько поскромничал. Но он прав, когда утверждает, что главная работа — впереди, что образ великого вождя народов еще должен быть создан творческими усилиями талантливых мастеров слова. Подчеркиваю — талантливых.

Писутся ленинские пьесы... Как бы хотелось, чтобы в них начисто отменялись унылые, навязчивые схемы и успешно развивались плодотворные традиции.

Иосиф КИСЕЛЕВ.